

Я бы хотела посвятить эту книгу моим двум чудесным дочерям: Соне и Сабрине Чокет-Тулли. Вы поддержали меня в час отчаяния и вместе со мной шли навстречу свету. Для меня нет большего счастья, чем вы, две прекрасные женщины, спутницы моей души и лучшие подруги в моей жизни. А также прекрасному духу Парижа. Ты пробудил во мне подлинную красоту моей души и помог увидеть ту же красоту во всем и вся.

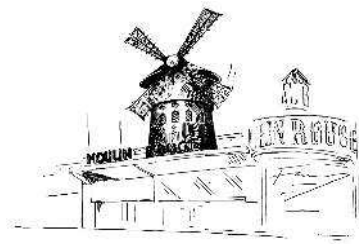

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВСЕ КОНЧЕНО	5
Пролог	6
Крушение	8
Почему Франция?	16
Отправления и прибытия	19
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СТАРУХА	25
Дом, милый новый дом	26
Голуби	29
Солидарность	34
Добро пожаловать, мадам	39
Исцеление души	48
Как дела?	54
101 правило покупателя	59
Как я отпустила прошлое	65
Что значит быть парижанкой?	69
Красная помада	75

Вспыльчивые люди	79
Прачечная	81
Синдром печени	88
Ежедневные молитвы и ритуалы	94
Время решений	98
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДЕДУШКА	105
Я сжигаю мосты	106
Улица Белград	109
Улица Клер	116
Привет, Дедуля!	122
Должностные лица	125
Лето на берегах Сены	132
Вспять к истокам	140
Месяе Стригаль	145
Бал-маскарад	150
В отпуск	155
Возвращение	160
Ноябрь, тринадцатое	168
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПРИЮТ	175
Прелесть, что такое. Третья квартира	176
Проспект М	186

Забастовка	191
Все летит к чертям	200
Кубок Европы	204
Я — старая цыганка	208
Возрожденный феникс	215
Перед закрытой дверью	222
За закрытой дверью	227
Танец с мистером Бином	232
Тосканские пляски	236
На нехоженых тропах	240
С открытым сердцем	246
Рождественская вечеринка	253
Весна	260
Слова благодарности	266
Об авторе	269

Часть
первая:

Все
кончено

ПРОЛОГ

Как духовный учитель, наставник и экстрасенс, я не раз замечала, что многие от природы тянутся к духовности, будь то в медитации, пробуждения экстрасенсорных способностей или связи с высшей осознанностью. Тянутся, потому что чувствуют — эти практики поддержат в борьбе с неизбежными трудностями и разочарованиями. Они надеются, что духовность станет бронезиловым, защищающим их от психологической боли.

Вообще-то духовное пробуждение полезно именно потому, что помогает смириться с собственной уязвимостью, сложить оружие, открыть наши чувствительные сердца, смело относиться ко всему происходящему и встретить его с распростертыми объятиями. Этот отказ от притязаний нашего собственного эгоизма есть призыв к настоящим отношениям сперва с самим собой, затем и с другими.

Когда мы совершенно прозрачны, открыты всем своим переживаниям и чувствам, свободны от критики, тогда только мы способны на истинную любовь к себе и сострадание, тогда только способны на глубокую любовь и сострадание к другим. Чтобы жить духовной жизнью под верным руководством, мы должны смириться с собственной хрупкостью и превратностями судьбы. Должны не только противостоять

испытаниям, но и быть готовыми закалиться в кузнице. Это значит, что надо быть готовым ко всему, что ждет впереди, не убегать, не бояться. Для такой жизни требуется мужество — слово, произошедшее от французского слова «coeur»¹ что в переводе означает «сердце».

Если хочешь жить с открытым сердцем, избавься от контроля, оседлай волну перемен. Работа грязная, мучительная, порой унижительная, но игра стоит свеч. По крайней мере, так было со мной.

¹ В оригинале «coeur» (англ). *Прим. перев.*

КРУШЕНИЕ

Намечался торжественный вечер. Я должна была выступать перед тысячной аудиторией. Это было одно из крупнейших мероприятий, которое я когда-либо проводила как духовный учитель и писатель. Я собиралась представить свою только что вышедшую книгу «Неудержимая. Тысяча километров пешком по легендарному пути Камино де Сантьяго»*. В ней я вспоминала события двухлетней давности: как через шесть тяжелейших недель, последовавших за потерей двух близких мне людей, я отправилась в поход длиной восемьсот километров по Камино де Сантьяго**. Как еще через два месяца я неожиданно рассталась с человеком, с которым прожила в браке более тридцати лет.

Этот путь славится своей способностью исцелять, ибо чувства утраты и горя на нем сменяются принятием и прощением, которых мне в моем подавленном душевном состоянии тогда отчаянно не хватало. Все больше и больше задыхаясь под гнетом горя и мучительной мигрени, я, совершенно раз-

* «Неудержимая. Тысяча километров пешком по легендарному пути Камино де Сантьяго», М.: Эксмо, 2017 год. *Прим. перев.*

** Камино де Сантьяго (Путь Святого Иакова) — знаменитая паломническая дорога к могиле апостола Иакова Зеведеева в испанском городе Сантьяго-до-Компостела. *Прим. перев.*

битая, едва тащилась по дороге. Но так начался мой величайший духовный и физический путь, который продолжается до сих пор. Через пять недель самокопания я завершила паломничество и возвращалась домой с глубоким удовлетворением и принятием, ранее неведомыми моей душе. Я захотела поделиться своими переживаниями в надежде, что они смогут принести мир тем, кто, как и я, столкнулся с горем и утратой.

Увы, после возвращения домой мое умиротворенное состояние продлилось очень и очень недолго...

Пятнадцать месяцев назад, в августе, вернувшись из паломничества, я поверила в Камино де Сантьяго, ибо не прошло и месяца, как позвонил Патрик. Блудный муж заявил, что любит меня и хочет воскресить наш брак. Это ли не чудо?

Потрясенная и безмерно счастливая, я подумала, что если мы хотим снова воссоединиться, то должны пройти Путь вместе. Я, только что испытавшая на себе его благотворное влияние, считала, что в переносном смысле это путешествие избавит нас от тяжкого бремени прошлого, откроет новые горизонты, мы будем вместе, будем верить друг другу отныне и вовеки. Патрик не возражал, и перспективы вырисовывались самые радужные — для меня, для него, для всей семьи.

Мы запланировали поход на июнь, и следующие десять месяцев прошли в трудах — мы искали компромиссы и восстанавливали отношения. Патрик жил тогда в Колорадо, я — в Чикаго, так что поездки друг к другу отнимали немало времени. Было нелегко, но мы держались.

Зная по собственному опыту, сколько сил потребует второе путешествие, я начала готовиться к нему заранее.

В отличие от первого раза, когда сборы затянулись до последнего, теперь я хорошо представляла себе, что меня ждет, но надеялась: в нашем совместном походе вполне смогу положиться на Патрика. Он, в отличие от меня, сложен атлетически. Я прекрасно помнила, как, изнемогая, брела по Пути, и не хотела, чтобы эти воспоминания помешали нашему исцелению. Нет, на сей раз я буду сильной и выносливой. Теперь ему, вырвавшемуся далеко вперед, не придется в нетерпении

ждать, когда я его догоню — как это слишком часто бывало в последние годы. Нет, мы пройдем Путь бок о бок.

Для похода я купила новую обувь, так как старая была тесной. Я чуть не переломала ноги, поэтому знаю, о чем говорю. Понимая, как важно идти налегке (в первый раз мне это и в голову не пришло), теперь я тщательно отобрала одежду и ограничилась минимумом снаряжения. Хотелось отказаться от всего лишнего.

Я прекрасно понимала, что в этом путешествии я должна подлаживаться под Патрика, а не он под меня. Все эти годы я поступала ровно наоборот, и из-за этой моей глупости наш брак уже много лет трещит по швам, принося обоим одно лишь раздражение. И я пошла в спортзал. Тягала гантели, приседала и выжимала штангу — делала все, чтобы стать сильной и выносливой. Я знала, что эти физические упражнения помогут мне не отстать от Патрика, что они важны не столько для меня, сколько для него.

Я заказала билет и принялась заново составлять маршрут путешествия, полагая, что у Патрика свои планы насчет нашей встречи в Испании в первый летний день.

А теперь представьте себе мой ужас, когда за пять недель до нашего отлета в Испанию я получила письмо от моего адвоката о том, что Патрик и не собирается отменять развод, на чем сам настаивал, а лишь откладывает его на «неопределенный срок» — до нашего возвращения. Посмотрит, как пройдет паломничество — тогда и примет решение.

Какой удар по моему самолюбию! Условия были неприемлемы. В результате Патрик все же попросил развод. Поход отменялся.

Все было кончено. Меня как громом поразило. Патрик присутствовал на суде лично. Я послала адвоката. И вот я собираюсь в поход одна, снова лечу в Испанию, разве что на сей раз еще более убитая и раздавленная.

Этот поход, как и первый, занял больше пяти недель. На сей раз мои беседы с Богом не были ни длительными, ни задушевными. Я лишь роптала на пустоту внутри себя, на

предательство, но в глубине души оставалась к Нему равнодушной.

Я не заходила в церкви, не зажигала свечей, не возносила благодарственные молитвы. Лишь просила Богородицу, чтобы Она не оставила меня на моем пути.

А пока я, раздавленная оскорблением, брела по Испании, мой уже бывший муж приехал в дом и вывез все свои вещи, — даже фирменную кухонную плиту. Покидая дом, он запостил сообщенище в Фейсбуке для наших общих знакомых: «НАКОНЕЦ свободен».

Когда я в конце июля вернулась домой, он был затоплен. Вскоре после моего отъезда прорвало канализацию, она поднялась из подвала, пропитала ковры, да так и встретила меня. Дом был пуст без хозяйского глаза.

Плесень из зловонной канализации захватила весь дом, подвал прогнил насквозь. Эта гниль так отвечала моему внутреннему состоянию, что хоть смейся. Но я разрыдалась.

Почему жизнь так обернулась? Все, чему я посвятила последние тридцать два года, рухнуло в одночасье. Сердце нашего домашнего очага не билось, фундамент прогнил, как труп, обреченный догорать в печи крематория.

Благодарю Бога за двух моих взрослых дочерей — Соню и Сабрину. Они были посланы Богом, чтобы собрать нашу семью из осколков.

Я выкинула последнюю ниточку от сгнившего ковра и рассохшуюся мебель и только лишь принялась намыливать руки, как вдруг поняла, как закончу мою книгу. Мне казалось, что я пишу ее целую вечность — осталось ли во мне что-то от той бодрой оптимистки, какой я была какой-то год назад?

И вот в конце сентября я снова там, откуда начался мой путь. Четыре месяца после развода, сто километров до дома Патрика в Колорадо. И когда мне предложили поведать тысячной аудитории о моем самоотверженном путешествии по Испании, я не испытала ни радости, ни восторга — нервы в лохмотьях, сердце разбито, глаза всякую минуту на мокром месте.

Соня предложила поехать со мной в Денвер. Дело в том, что Соня и Сабрина, окончив университет, стали полноправными партнерами моих мероприятий: организовывали музыкальное сопровождение и транспорт. На сей раз была Сонина очередь.

Стоило нам приземлиться в Денвере, как события последних двух лет накрыли меня гигантской волной — смерть отца и брата, разрыв с мужем, двойной поход по Камино де Сантьяго и в финале этот неожиданный, нежеланный развод... Мы еще не успели арендовать машину, а мое лицо уже стало мокрым от безудержных слез.

По пути в гостиницу мои горестные всхлипывания от непереносимой душевной боли перешли в стоны, и я снова зашлась в рыданиях. Никогда со мной такого не было. Поверьте, румынская кровь в моих жилах не раз и не два в жизни толкала меня на душераздирающие сцены. Но на этот раз я превзошла себя!

Как только мы зарегистрировались в гостинице, Соня заставила меня прилечь на кровать и задернула занавески. Она положила мне на голову мокрое полотенце и вышла за дверь. Такая чувствительная девочка — при виде моего состояния сама чуть не плакала.

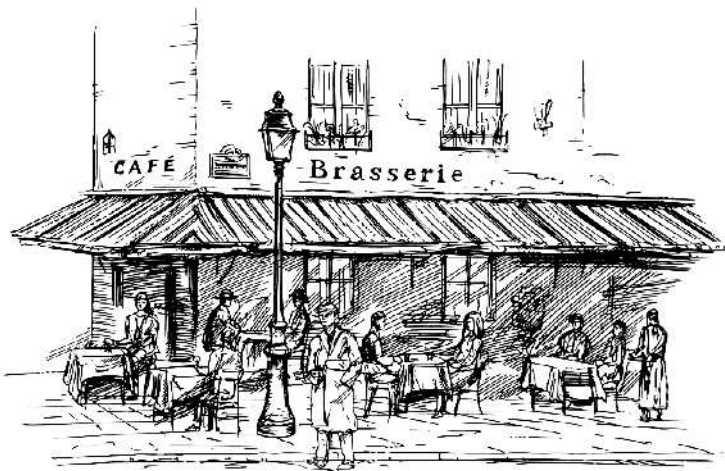
Она захотела побыть одна — ведь ей было так тяжело видеть мое состояние. Я была не против. Прежде чем выйти за дверь, Соня предложила отвезти меня в больницу.

Я по привычке стала отказываться. Впрочем, на этот раз сама не знала, чего хочу, и это пугало. Раньше, когда я сильно нервничала, то всегда умела собрать волю в кулак. А тут — не могла.

— Какая больница? У меня выступление вечером, — возразила я. — Нет, все-таки, наверное, надо ехать — я же не смогу говорить. Не знаю. Пожалуйста, реши за меня.

— Ладно, у нас еще есть время, — ответила Соня, оставляя меня одну в темной комнате. — Сейчас только два часа дня, так что до семи можешь лежать и молчать. Подождем. Вдруг наши молитвы будут услышаны?

РУМЫНСКАЯ КРОВЬ
В МОИХ ЖИЛЫХ
НЕ РАЗ И НЕ ДВА
В ЖИЗНИ
ТОЛКАЛА МЕНЯ НА ДУШЕРАЗДИРАЮЩИЕ
СЦЕНЫ.
Но на сей раз
я превзошла
себя!

Понемногу я начала успокаиваться. Нужно встать с постели и приниматься за дела. Надо собраться с силами. Но как?

Тут в комнату вошла Соня и осторожно потрясла меня за плечо. Она выглядела печальной и испуганной. Мой нервный срыв значил для нее слишком много. Она и так довольно натерпелась. Я знала, что не имею права оставлять ее одну.

— Мамамочка, тебе не лучше? — спросила она одной лишь ей свойственным нежным и сострадательным тоном.

Я лишь простонала в ответ. Всем моим существом желала ответить: «Да, я в порядке. Что-то сегодня расклеилась. Но ничего. Я уже как огурчик. Забудь про мою слабость. Ну, пожалуйста».

— Надеюсь, — честно ответила я.

Вдруг зазвонил Сонин телефон. Звонила моя Сабрина. Похоже, что, пока я отдыхала, Соня поспешила позвонить ей.

Соня протянула мне трубку:

— Горошинка хочет с тобой поговорить.

— Привет, Горошинка, — сказала я.

Голова раскалывалась.

— Мама, послушай. Соня сказала, что у тебя нервный срыв. Понимаю. Ты столько всего пережила, но я от тебя такого никак не ожидала. Давай договоримся. Если я узнаю, что ты в беде, то всю дорогу по Лейк Шор Драйв*, буду молиться о тебе Деве Марии. Выбирай: или мы прямо сейчас возьем тебя в больницу, или ты едешь в Париж. У тебя две минуты.

От такого предложения я буквально лишилась дара речи.

— Что тебе терять, мама? — продолжала Сабрина. — Ты и так уже все потеряла. Послушай моего совета, езжай в Париж. Я поеду с тобой. Я тоже хочу начать все заново. Что скажешь?

Я молчала. Дышала в трубку и обдумывала эту сумасбродную, несуразную, свалившуюся как снег на голову идею. Словно на меня вылили ушат ледяной воды.

Минуту назад я не могла увидеть краешка кровати, на которой лежала.

* Лейк Шор Драйв — шоссе вдоль озера Мичиган в Чикаго. *Прим. перев.*

И вдруг — Париж.

Будто очнувшись после кошмара, я подумала: «Какая разница, где страдать — здесь или в Париже. Верно?»

И я без колебаний согласилась:

— Так и быть, Сабрина. Твоя взяла. Едем в Париж. Как только, так сразу. Отчего не попробовать?

Засиял свет в конце тоннеля. Господь сподобил меня сделать единственный нужный мне в ту минуту шаг.

Я встала и улыбась. Вечером смогу выйти на сцену и обратиться к людям. Может, расскажу, что произошло. Камино исцелял, но путь исцеления еще не пройден до конца. Я могла бы рассказать, что все-таки развелась, хотя и надеялась, что все обернется к лучшему. Я хотела донести до них истину, ведомую только мне.

Еще я могла рассказать, что еду в Париж. И рассказала.

